

НИКОЛАЙ ПЛОТНИКОВ

доктор философии, научный сотрудник
Рурского университета (Бохум, ФРГ)

С самого начала замысел журнала имел, как мне представляется, несколько эклектический характер, хотя даже и в таком виде этот замысел был реализован лишь отчасти. С одной стороны, предполагалось создать некоторый собственно дисциплинарный журнал, причем не только дисциплинарный, но и посвященный дискуссиям и пропаганде определенного философского направления, а именно — феноменологии. Насколько я помню, первоначальный замысел этой работы, выросшей из простого студенческого журнала по философии, был связан как с освоением западной феноменологической традиции, так и с введением ее в контекст русской феноменологической традиции. Но поскольку журнал был назван «философско-литературным», то одновременно (в этом, собственно, и состояла его эклектичность) он должен был обслуживать также некоторую общекультурную рефлексию, то есть включать в себя публикации литературно-публицистического характера. Так, одна из первых публикаций фрагмента «Бесконечного тупика» Галковского появилась именно в «Логосе». Этот, так сказать, «шпагат» присутствовал в журнале с самого начала.

На это были свои причины. Ведь в то время, в конце 1980-х — начале 1990-х, в культурную среду вбрасывалось огромное количество как литературных, так и философских текстов. У журналов вроде «Нового мира» были гигантские тиражи, но такими же гигантскими тиражами выходили и «Вопросы философии». «Логос» с самого начала пытался в себе сочетать и то, и другое направление. Но, на мой взгляд, это не было тогда отрефлектировано в достаточной степени, что отчасти размывало его профиль. Разумеется, литературный аспект играл в «Логосе» подчиненную роль, а определяющей была философская компонента, причем компонента эта совершенно отчетливым образом отсылала к «Логосу» дореволюционному. Это тоже характерная особенность тогдашнего контекста: зачеркнуть советский период и как бы вернуться к некоторой точке дискуссии, существовавшей до 1917-го года.

В этом смысле «Логос» планировался именно как интернациональный журнал, но в данном случае уже, понятно, не в смысле неокантианства, а в смысле феноменологии. Но его эволюция во многом отражает общую эволюцию интеллектуальной ситуации в России. Сперва это была эйфория, связанная с представлением о том, что: а) мы открыты западу, и б) существует возможность перескочить через советский период, вернуться в некую нулевую точку дискуссии, прерванную революцией (хотя на самом деле, прерванную пер-

вой мировой войной). Вот эта-то эйфория постепенно улетучивалась. А улетучивалась она по двум причинам. Во-первых, стало выясняться, что русский контекст слишком маргинален для интернациональной дискуссии: фактически мы не готовы разговаривать на равных, да и с нами тоже не готовы разговаривать, потому что наши темы — отчасти вчерашний день отгремевших западных дискуссий, отчасти же потому, что у нас нет языка, на котором мы могли бы выразить «свое» так, чтобы это поняли другие. С другой стороны, приходило осознание того, что советский период — это не просто некоторая пауза, а пласт наследия, который закрывает нам возможности рефлексии не только на уровне интеллектуальных методик, но и просто на уровне спектра тем, выбора языка, выбора понятий и интеллектуальных позиций. Иными словами, оказалось, что в этот советский период действительно произошли какие-то значительные трансформации, в принципе не позволяющие нам ни беспрепятственно вернуться к 1917-му году (к философии Шпета, Лосского или Степуна), ни обсуждать тот же спектр проблем, которые интересуют современную западную мысль.

Как эти обстоятельства, так и, по-видимому, ряд факторов, связанных с социальными условиями функционирования журнала, привели к тому, что начал происходить отход от дисциплинарности. Это, по-моему, характерно в целом для эволюции философской рефлексии в современной России — она в подавляющей массе чудовищным образом депрофессионализируется, превращаясь в какой-то дискурс ранних славянофилов, т. е. постоянно думая о том, кому эта мысль пойдет на пользу, а не о том, строго ли обоснованы аргументы. При этом, однако, сам формат журнала сохранялся: по-прежнему выходили тематические номера, появлялись теоретические статьи, переводы и т. д. Но сами пропорции постоянно сдвигались, и доходило до того, что в номере появлялись лишь одна-две теоретических статьи, а всё остальное было неким культурологическим, публицистическим и прочим анализом, тоже в каком-то смысле важном, но совершенно не соответствующем позиции «философского журнала». Журнал стал в большей степени походить на традиционный русский толстый журнал (хотя и без беллетристики), обогащенный некоторыми элементами культурной рефлексии, а не на профессиональный философский журнал. Может быть, самым характерным здесь был номер, связанный с Косово. В нем уже совершенно четко наметилось различие с Западом в использовании интеллектуальных практик, обнаружилось разграничение сфер интереса и подходов к решению отдельных проблем. Вместе с тем наметилось совершенно другое амплуа — не философского, а обобщенно «интеллектуального» журнала (в том абстрактно положительном смысле, которое имеет в современном языке обозначение «интеллектуальный»). Коротко говоря, журнал перестал быть «философским», а стал «идейным», т. е. выполняющим некую социальную функцию по производству нужных идей.

Хотя, повторюсь, все это происходило при внешнем сохранении рамок, сохранении стратегии апроприации текстов западных мыслителей (Хабермаса и проч.). Но мне кажется, здесь стали появляться ноты разочарования, наметился отход от первоначального замысла журнала. Это было связано также с постепенным осознанием того, что в конце 1990-х уже открыто вышло

на поверхность. С пониманием того, что у нас существует значительный объем тематики советского периода, которая еще совершенно не отрефлектирована и давит на нас как непонятная и непосильная ноша. Постепенно формировалось понимание того, что эту рефлексивную работу совершенно необходимо проделать для уточнения и определения собственной мыслительной позиции. И «Логос», на мой взгляд, зафиксировал этот переход. Появилось осознание того, что наряду со связями с Западом и с дореволюционной интеллектуальной ситуацией есть еще и пласт советского периода. И этот пласт в журнале ощущался как всё более весомый. На мой взгляд, это правильное явление. В конечном счете, к концу 1990-х мы пришли к тому, что нам надо разобраться с этим советским наследием и с нашим отношением к этому наследию, к тем интеллектуальным ходам, которые мы можем (или не можем) себе позволить, имея за собой именно такую историю.

Речь идет, в частности, об осмыслении левого проекта, проблемы социальной справедливости, тех сюжетов политической философии, которые так или иначе завязаны на наш советский опыт и определяют те мотивы, по которым мы воспринимаем окружающую нас политическую действительность. Это очень отчетливо заметно в российской публицистике последнего времени, в которой все интеллектуальные ходы сводятся к тому, чтобы указать на аналогию политических процессов в Евросоюзе с воспоминаниями (для большинства уже совершенно мифическими) о советском обществе, и на этом основании эти процессы отвергнуть. В результате все действительно серьезные темы о социальных правах, о совершенном правовом произволе во всех слоях общества и т. п. дискредитируются, или, наоборот, инструментализируются путем отсылки к совершенно непродуманному советскому опыту. Успешность нашей рефлексии советского периода напрямую связана с тем, сможем ли мы выработать к нему дифференцированное отношение, не сводящееся ни к великодержавной апологии советского периода, наметившейся в последнее время, ни с полным либеральным его отторжением.

По последним выпускам журнала, да и по общей интеллектуальной ситуации, у меня складывается, однако, впечатление, что сейчас возникают условия для нового витка первоначального проекта «Логоса». Речь идет о создании новой дисциплинарности, о диалоге с западной мыслью и об ответственной рефлексии собственного положения в истории. За время существования журнала выросло новое поколение авторов, были освоены мыслительные ходы западной философии, методики рефлексии, которые уже не просто являются сугубо заимствованием, но стали предметом дискуссии и были усвоены в том смысле, что в них и с ними начали работать. И не только в рамках диссертаций о герменевтике Гадамера или феноменологии Гуссерля. Речь идет о самом стиле и методике работы, которые позволяют решать проблемы рефлексии, связанные с нашей собственной интеллектуальной традицией. В настоящее время вырисовывается точка возвращения к первоначальному замыслу «Логоса» в его философском дисциплинарном формате, но уже, по-видимому, освобожденном от дилетантской традиции русских «толстых журналов», которые пытались заниматься всем, но в итоге охватывали всё лишь поверхностно. И если это впечатление меня не обманывает, то такая тенденция может привести к новому рождению «Логоса».

В заключении можно упомянуть еще один изгиб сюжета: немецкий журнал «Logos», который тоже возобновили в Германии в конце 80-х — начале 90-х гг., и который тоже апеллировал к старому интеллектуальному проекту (претендуя даже на исключительное право на «бренд»), прекратил свое существование за недостатком подписчиков. Так что теперь русский «Логос» является единственным законным наследником того «международного ежегодника по философии культуры», который перед началом Первой мировой войны смог организовать интернациональный диалог философских традиций, внося свой уникальный вклад в развитие философии XX века. Теперь это зависит только от нас, сможет ли нынешний «Логос» вступить в реальные права наследства.